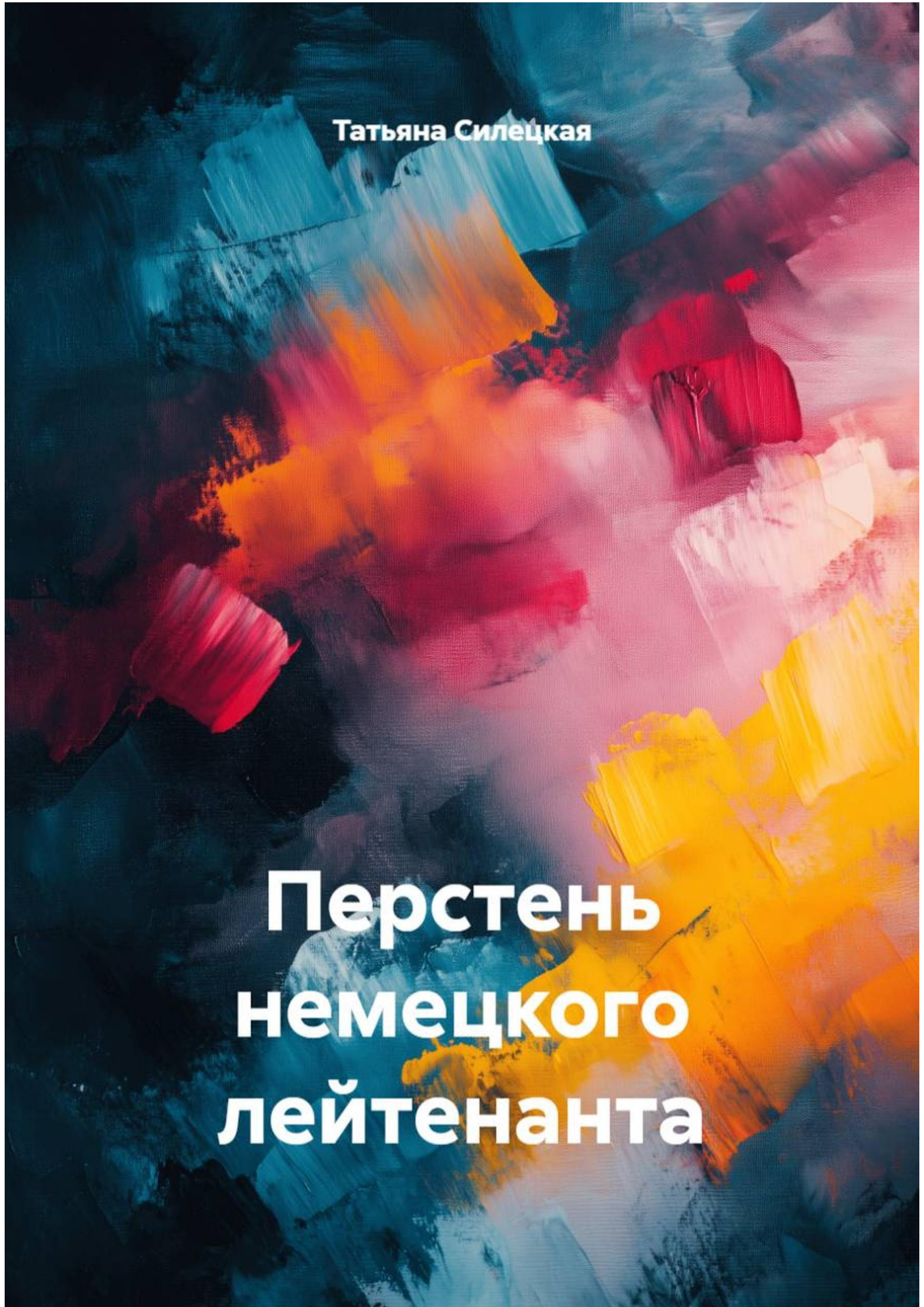

Татьяна Силецкая

**Перстень
немецкого
лейтенанта**

Татьяна Силецкая

Перстень немецкого лейтенанта

«Автор»

2026

Силецкая Т. А.

Перстень немецкого лейтенанта / Т. А. Силецкая — «Автор»,
2026

Продолжаются приключения следователя Михаила Александровича и капитана Мухина. В этот раз враг скрывается в среде художников, искусствоведов и скульпторов... Как связан найденный перстень гитлеровского офицера с тайным заданием противника - предстоит разгадать любившимся читателю героям "Собаки Одиссея", "Следов Терпсихоры" и "Восьмого флакона".

© Силецкая Т. А., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Силецкая

Перстень немецкого лейтенанта

Предисловие.

Напомним, что в предыдущей книге «Следы Терпсихоры» следователь Кисанов со своим другом Капитаном Мухиным, под бдительным руководством Куратора прервали серию жестоких убийств молодых женщин. Явивший с повинной убийца вызывал жалость и сочувствие.

Гори огнем...

В следственном кабинете Кисанова догорала «исповедь» Марии Дмитриевны. Следователь Михаил Александрович был человеком некурящим, но пепельницу и зажигалку в письменном столе держал.

Для чего и сам себе объяснить не мог, тем более, что не выносил присутствия никаких лишних вещей на рабочем месте.

Прошли времена прокуренных кабинетов, и никто из сослуживцев никогда не просил огонька у противника вредного дыма - Михаила Александровича, а пепельница с зажигалкой все не покидали своего места в дальнем углу рабочего стола.

Годами никчемные вещи ждали своего часа, и вот он настал — запылали признательные показания старой измученной женщины.

Старший следователь понимал, что сжигает он не только признание Марии Дмитриевны в серийных убийствах, но может быть и собственные погоны...

Куратор в тот момент, когда ему докладывали о горячем «фортеле» подчиненного, уже смотрел на догорающий дом Марии Дмитриевны. Надежда найти сафьяновую тетрадь, которую вел ее дореволюционный предок, получивший «идеальный» токсин, сгорала вместе с домом.

Уникальную отравительницу Марию Дмитриевну Куратор вычислил сразу, как только сопоставил архивные материалы отказа в возбуждении уголовного дела в связи с гибелью ее внучки со списком лиц, находящихся в контакте с родителями жертв.

Мотив вымещения мести Марией Дмитриевной на потомках виновных в смерти ее внучки, по первому впечатлению отдавал патологией, но Куратор настолько уж нездоровой причину ее преступлений не считал.

Он вспоминал студенческие годы и блестящие лекции своего любимого профессора по истории права. Преподаватель упоенно нараспев рассказывал о законах Хаммурапи. Профессор брал эффектную паузу перед раскрытием санкции древней нормы права, давал слушателям возможность догадаться какое же следовало наказание в Древнем Вавилоне и просил слушателей высказывать свои версии.

Алгоритм жесткой логики древнего права настолько противоречил принципам современного гуманизма, что большинство студентов не могли справиться с заданием. Предположим, было ожидаемо, что древний закон требовал выкупа за повреждение имущества и смерть раба хозяина, причиненного нерадивым строителем, но допустить, что: *«...если строитель построил человеку дом, а дом, который он построил, рухнул и убил хозяина, то этот строитель должен быть казнен»*, студенты еще были способны предположить на «первом уровне» сложности. А как возможно догадаться, что: *«Если же рухнувший дом убил сына хозяина, то должны убить сына этого (нерадивого) строителя»*. Куратор единственный из всей студенческой группы ни разу не ошибся. Он и в последствии редко ошибался...

За десятилетия практики Куратор убедился в том, что жесткая логика законов Старого Вавилона, в целом сводившаяся к основному принципу: *«наказание должно буквально соответствовать вреду, причиненному потерпевшему»*, через века не утратила актуальности и до сих пор не только вызывает сочувствие, но и оправдывает преступления. Очень многим нет дела, преднамеренное совершилось убийство или непреднамеренное, если не стало родного человека. А может быть не так уж и суровы были древние законы? Но только годились они для такого же сурового времени.

Вот и в этом случае, пожилая интеллигентная дама возможно и не знала о существовании свода вавилонского правителя Хаммурапи. Но древний принцип - «смерть за смерть» мягко и исцеляющее лег на изболевшее сердце страдающей пожилой женщины, потерявшей самое дорогое. Конечно, ощущение было обманчивым, и месть - не лекарство, а убивающий душу яд... Но идея возмездия под лукавой личиной справедливости завладели сознанием Марии Дмитриевны.

Ею завладела идея, что настоящая, не «кодифицированная» законом справедливость заключается в том, что те, кто убил ее внучку должны были испытать боль, равновесную ее боли. Так же внезапно потерять родного любимого, только расцветшего человека, как потеряла свою Машеньку сама Мария Дмитриевна. Смертоносность идеи сильнее любого яда.

Иногда Куратор, сталкиваясь с преступлениями, возможность совершения которых обычному человеку допустить просто невозможно, задавал себе вопрос: «А если бы на месте жертвы оказался его родной человек?»

Поэтому вопросов, кроме положенных по уголовному процессу, к Марии Дмитриевны у Куратора не было.

Куратор несколько не был удивлен ни повинной явкой Марии Дмитриевны, ни ее добровольным уходом из жизни. Даже пафосное «благородство» Михаила Александровича было предсказуемым... Как и финальные «па», просто какие-то «арабески с пируэтом, фуэте с батманом» Михаила Александровича, который устроил мини пожар в собственном служебном кабинете, сжигая признания Марии Дмитриевны. Сборище пироманов! К тому же опытный следователь, видите ли, не успел оформить явку с повинной,

поскольку: «почтенной даме стало дурно». Как-то уж очень везет Михаилу Александровичу на знакомства с выдающимися персонами преклонного возраста с криминальными талантами!

Что действительно изумляло Куратора, так это продуманность «исполнения» пожара, на какую мог быть способен только человек старой школы. Надо же было так рассчитать и «выстроить» поджог, чтобы дом выгорел дотла, а жилища соседей не пострадали!

Такую «шустрость» сокрытия следов преступления бодрой пенсионеркой он не предусмотрел, даже и предположить не мог. Мог, мог и должен был предусмотреть любой неординарный исход в необычном «балетном деле»!

...Весело треща, догорал сухой деревянный дом, вместе с материалами, остатками лаборатории, бумажными носителями и самой формулой уникального яда. Могла ведь и «сгореть» карьера самого Куратора. Задание было по-сути провалено: отравительница и хранительница тайны яда скончалась, не дожидаясь прибытия скорой помощи. Никаких флаконов с ядом и тому подобных упоминаний о таковом при ее трупе обнаружено не было.

Существовала еще гипотетическая надежда, - вычислить формулу по посмертным исследованиям жертв и останкам самой «исполнительницы» серии.

Но воссоздать утраченную формулу было по силам только гению равному создателю яда. Нужен был гений — безумец от науки. С гениями было туго, безумцев — хоть отбавляй...

Всегда держащему под контролем собственное эмоциональное состояние Куратору казалось странным, что злости и даже раздражения по отношению к подчиненному ему следователю Михаилу Александровичу он не испытывает.

Куратор настороженно прислушивался к неожиданному спокойствию. Зная по опыту, что если он оценивает свое эмоциональное состояние, как спокойное, ровное, без тени негатива к провинившемуся, то это означает только одно, - Куратор взбешен.

А нулевой уровень ощущения собственных эмоций объяснялся просто - в Кураторе сражались две равновесные стихии — любовь к таланту и ненависть к непослушанию и безумной инициативе. Но что-то должно было перевесить, и чувства на весы давить не должны.

«Итак, - рассуждал Куратор: «Михаил Александрович — безусловно талантлив. А к таланту всегда прилагаются вычурные моральные «прибабахи» - собственный кодекс чести и тому подобная романтика... Приходится брать «пакетом» или работать с послушными бездарями».

Что касается последствий происшедшего лично для него, то выбить Куратора из «карьерного» седла было непросто. Ведь любое грандиозное поражение всегда можно подать как маленькую, да и не такую уж маленькую, в данном случае, победу. Можно, например, доложить: «Преступления раскрыты. Угроза устранена, смертельно опасные вещества преданы огню, злодей самоликвидировался. Любимый город и планета в целом могут спать спокойно».

Поэтому вычеркивать из списка Михаила Александровича, как «служилую единицу», срывать погоны, метать молнии и громы, было глупо и нерентабельно...

К тому же, подтвердить факт того, что Михаил Александрович самовольно и намеренно уничтожил доказательства вины Марии Дмитриевны, было непросто, да и не за чем.

Но наказать это «чудо природы», безусловно, было необходимо... А как лечили государевы слуги зарвавшиеся таланты во все времена? - ссылкой в «медвежий угол»...

Тем более, один из таких заповедных уголков давно требовал более пристального и постоянного внимания. Не то чтобы у Куратора не хватало персонала, конечно, нет. Професионалов доставало, но безупречно послушных и скрупулезно исполнительных подчиненных отправлять в ссылку было вроде не за что, и они были нужны под рукой, а у большинства тех сотрудников, которых не грех было бы и направить «проветриться» на свежий воздух, их высокий профессионализм вылезал из любого маскировочного образа и был виден невооруженным глазом.

Что касается Михаила Александровича, тот со всех сторон был идеальным кандидатом. Даже при полном параде — в погонах и наградах, он смотрелся как артист, исполняющий роль служителя закона. К тому же, коли есть хоть что-то заслуживающее внимание в этом уединенном райском уголке, то на это «что-то» Михаил Александрович с его интуицией и редким везением обязательно наткнется...

Насколько важна поставленная «боевая задача» Михаилу Александровичу разъяснять Куратор не считал необходимым. Напротив умалил значимость поручения почти до нуля, мол: «столько лет руки не доходили, за малостью перспектив. Но чем-то же Вас в глуши занять надо, иначе со скуки помрете». Пусть провинившийся воспринимает это назначение с понижением степени ответственности задания как суровое наказание...

Михаил Александрович так и воспринял, вернее искусно сыграл «повинную голову». Слишком они с Куратором хорошо изучили друг друга. Михаила Александровича Кисанова «маловажность» задачи только подстегнула.

В который уже раз Куратор превращал минусы в плюсы, извлекая максимальную выгоду из неизбежных профессиональных неудач.

Деловая ссылка, она же - собачья радость.

Так, неся «заслуженное наказание», Михаил Александрович был отправлен к новому месту службы - в «медвежий угол» области с такой низкой плотностью населения, о которой не могут даже мечтать лютые глобалисты, фанаты «золотого миллиарда» и одержимые защитники природы от человечества.

Перемена мест нисколько не огорчила жену Михаила Александровича - Светлану. И обезумели от счастья два «алиментных» потомка любвеобильного заслуженного пса Курьера — кувыркаясь, одним комом вывалились из машины и понеслись по необъятным просторам новой родины.

Два лохматых брата, несмотря на запутанность родословных и не плановость появления на свет, были ухожены, красивы своеобразной наглой статью избалованных дворняг и вызывали восхищение прохожих и неизменный вопрос: «А какая это порода?»

Светлане хотелось ответить: «Скандальная!»

И это было бы чистой правдой, потому что вручение щенков- «бастардов» хозяевами безумно элитной, редкой и дорогой в цене «возлюбленной» Курьера, действительно, сопровождалось скандалами, упреками и угрозами. Курьер был уже «в летах», но сердце его горело и все еще светились глаза. Как прорвался мудрый пес к запретному и строго охраняемому предмету своей последней страсти и куда увлек «избранницу» от посторонних глаз - оставалось загадкой.

Разгневанных «потерпевших» хозяев можно было понять, - были сорваны все планы на поездку за границу к элитному «избраннику», испорчена репутация заводчиков, ну и упущена немалая выгода от продажи «правильных» щенков...

Ущемленные в правах хозяева требовали возмещения материального и морального ущерба. Когда шум в квартире Кисановых достиг максимального уровня, явился Михаил Александрович, представился, ознакомил «гостей» с удостоверением и порекомендовал им действовать на законных основаниях, то есть, либо подать заявление на Курьера в правоохранительные органы, либо прибегнуть у судебной защите. «Потерпевшие» сбавили обороты, но не сдались...

В результате «стороны конфликта» заключили мировое соглашение. Кисановы, вообще могли бы уйти от ответственности, но были людьми совестливыми, поэтому Светлана взялась пристроить «незаконнорожденных», а Михаил Александрович обязался оплатить ветеринара...

Троих щенков из помета удалось «сбыть» в хорошие руки, а оставшиеся два временно поселились в квартире Кисановых...

«Временное» по избитому закону перетекло и утвердилось в постоянное. Подросшие комочки переросли в угловатых подростков, никого уже не умиляли, к тому же проглядывался их скверный характер, поэтому пристроить их можно было только в приют. По взаимному молчанию супруги такой вариант исключали.

Активные и очень инициативные собаки росли быстро и превращали жизнь Светланы в нарастающий кошмар. Муж был постоянно на службе, Светлана работала по более щадящему графику. Поэтому вся тяжесть «мирового соглашения» легла на нее.

Потомки Курьера унаследовали от родителей «лучшие черты» - полное неприятие дрессуры и абсолютную уверенность в исключительных правах на лидерство. К сожалению, интеллект и уживчивость с человеком Курьера новым набором ген потомков были отринуты, как наследственный балласт, не приносящий пользы.

Выдающиеся глупость, упрямство и полное неприятие правил «общения» с человеком долгое время мешали подобрать клички Курьерскому наследству. Про себя Михаил Алексан-

дрович называл растущие на глазах хвостатые проблемы - Тупой и Самый Тупой. Но, записывать такие определения в графу «кличка» в собачьих документах было неприлично.

К тому же Светлана, чем больше ее изводили псы, тем сильнее она к ним привязывалась и любую критику в адрес подопечных воспринимала в штыки. Поэтому Михаил Александрович решил идти от обратного и наименовал безмозглых лохматых увальней Архимедом и Пифагором.

Подросшие «гении» занимались более важным вопросом, чем изучение элементарных команд, - сначала они стали выяснять кто из них главный, потом решили сообща сместить с трона папашу.

Престарелый Курьер вскоре добровольно выбыл из борьбы за власть. Прожив рекордное для собаки количество лет, заслуженный пес во сне отлетел в собачий рай.

Но Светлане легче не стало. Грызня за пьедестал вожака между братьями не прекращалась часами и сопровождалась разгромом квартиры. Рингом для спарингов четвероногие бойцы назначили место под тяжелым дубовым столом, украшавший гостиную. Столешница, под которой регулярно происходили собачьи поединки, вертелась вокруг своей оси, как несбыточная мечта спиритов.

На прогулках Архимед с Пифагором преображались, между собой отношений не выясняли, вели себя тихо и сосредоточенно, но на хозяев они по-прежнему внимания не обращали. Они искали жертву

Два здоровенных пса сплывались в единую цельную и слаженную боевую единицу, бдительно контролировали территорию, и пытались, если не истребить, то хотя бы запугать «врагов» до полусмерти. В список врагов могло попасть все живое, кроме откровенной добычи — мелких собачек и кошек. Светлана была вынуждена выводить балбесов на выгул по-одному в строгих ошейниках и намордниках от доктора Лектора... Оставшийся дома выл и разносил квартиру.

...В коротких снах измученная Светлана видела картины, как ее собачья стая несется по зеленым бескрайним просторам, на которых отсутствуют кошки, машины, мамочки с детьми и пугливые люди...

Возможно Светлана была первой женой в истории мужей «гонимых» со службы, которая так обрадовалась «ссылке» супруга...

...К приезду Михаила Александрович местные коллеги основательно подготовились - следователю была приготовлена «служебная жилплощадь», квартира, в так называемом, поселке городского типа.

Собственно, пока «городским» имело право называться единственное достроенное здание в районном центре. Естественно, планировались и другие, но они еще и не начинали строиться. Местное население, увы, не увеличивалось, «градообразующие» предприятия былых времен существование давно прекратили, в новые находились только на стадии проектов и замыслов...Заселять, увы, пока было некого и некуда, как считалось, незачем.

Одинокая «пятиэтажка» в неприкрытом пространстве, в которую «заселяли» Кисановых, смотрелась странно. С незатейливой архитектурой подобных зданий смириться можно если только, они хотя бы расположены группой. В такой компоновке хотя бы просматривалась и была понятна функциональная логика застройки. Но блеклая, с рано проступившими признаками обветшания «сиротка» в пять этажей, куда пытались заселить Кисанова с женой и собаками, была окружена абсолютно голым нежилым пространством, неухоженной изрытой бульдозерами и тракторами почвой. Бурное первоначальное «освоение» выделенных средств оставило после себя вырытые котлованы, траншеи, глыбы строительного и не только мусора.

Вся растительность в радиусе километра была уничтожена «подготовительными» работами. «Высотка», царившая в таком пейзаже, вызывала грусть, жалость и недоумение...

Чета Кисановых решила, что если уж Господь сподобил их жить в деревне, то пусть это будет настоящая деревня.

Увы, рынок предложений был скуден. Почти все наследники участков близлежащих деревень распродали родовые гнезда, пригодные для жилья. Остальные постройки истлевали, стояли без крыш и уходили в землю...

Чудом все же нашелся непроданный довольно крепенький домик на окраине с садиком и огородом.

Внуки, покинувших этот мир хозяев усадьбы, довольно долго вели жизнь на «два фронта» - работали в городе, а в деревню приезжали на выходные и в отпуск. Но средств, сил и времени со временем не прибавлялось, расходы росли, а «зона рискованного земледелия и огородничества» не покрывала и части средств, уходивших на поддержание хозяйства и переезды.

Михаил Александрович и Светлана встретились с собственниками и с удовольствием приобрели деревенское имущество... Больше всего Светлану обрадовала огромная собачья будка во дворе и отсутствие соседей...

Под легендой.

А Михаила Александровича порадовала непосредственная близость к объекту наблюдения...

Кисанов «вводился» в срочном порядке. Представляться официальным лицом значило свести на нет поставленную задачу. Было необходимо быстренько «переодеться» и по-возможности «реинкарнировать» в новый образ. Выбор рода занятий и профессии для «легенды» был невелик, поэтому и времени много не отнял. Любые другие варианты отпадали, поскольку требовали специальных познаний, общего круга знакомых и интересов. Оставалось единственное - побыть какое-то время литератором, что, вероятно, было бы не так и сложно, ведь в наши дни «пишет всякий», в основном в интернете и под псевдонимом. А это «дело техники» прикрытия команды Куратора.

В таком безысходном выборе профессии- «прикрытия» мог быть скрыт изъян. Бытовало мнение, что художники не привечают писателей, а те, в свою очередь, платят той же монетой. Но Михаил Александрович надеялся на свои дополнительные «отмычки» - красоту и коммуникабельность Светланы и обаяние пустоголовых математиков Архимеда и Пифагора.

Первым с кем следователю Кисанову удалось познакомиться был архитектор Арсений. Ни собак, ни жены привлекать не пришлось — Арсений легко и с удовольствием пошел на контакт с «писателем» Михаилом Александровичем, задумавшим писать роман о заброшенных деревнях... «Литератор» Михаил Александрович, разговорившись с «родственной» душой, вдохновился неожиданным поворотом сюжета и решил включить в свой грядущий шедевр творческую группу «художественных» поселенцев деревни Турасково. Арсений с удовольствием взялся охарактеризовать каждого.

Из рассказов Арсения.

«Пошел уже пятый год, как наша группа творческих и «околотворческих» личностей «оккупирует» эту «позабывшую, позаброшенную» деревеньку в период с начала лета до сезона дождей и холодов.

Кто из нас сразу понял, что это и есть идеальное место для работы: тишина, отсутствие внешних раздражителей, воздух, природа, трудно вспомнить. Скорее всего это была «коллек-

тивная» мысль. Хотелось попробовать забыть про телефонные звонки, интернет, электричество, городскую дерганую жизнь. И полное погружение в прошлый век.

Мы прибыли на творческую «стоянку» нагруженные как верблюды, проделав семикилометровый марш-бросок от станции с полной выкладкой. В первое наше лето ни одна легковушка не рискнула бы проехать по «раритетной» дороге, местами плавно и незаметно переходящей в глубокие ямы, наполненные никогда не высыхающей гущей. Но именно такое состояние подъездной дороги к деревне, вернее отсутствие проходимости для любого вида транспорта, убивало на корню любые поползновения желающих что-то преобразовать в брошенном поселении.

Не удивительно, что местные власти против нашего временного размещения ничего не имели. Деревня, как таковая, уже в списках не значилась. документы и даже командировочное предписания от союза мы предъявили и даже прошли временную регистрацию.

«Ну, что ж, погостите если сможете...» – проскрипел призрак деревни остатками былого жилья.

Основная часть бесхозных построек уходила в землю, крыши брошенных домов проседали, проваливались, на многих росли деревца и кусты, заросли дикой зеленью и приусадебные участки. Выдержал испытанием временем огромный амбар, который я сразу нарек «Дворцом творчества не очень юных».

Он был хорош своей никому ненужностью, высотой и объемом. Укрепить, «залепить» прорехи, разделить внутреннее пространства на сектора и обязательно выпилить в слепой высоченной постройке проемы для естественного освещения. Свет творческому человеку необходим не меньше воздуха...

Внутри будущего «Дворца творчества» барыней стояла шикарная русская печь, по основанию размером с мою гостиную в городе... Скорее всего помещение в былые времена выполняло функции сушильни, а не хранилищем зерна, как мы первоначально предположили. Пройдясь по периметру, осмотрев пол, я понял, что в сушильне раньше были сколочены, нары, судя по количеству и расположению крепежей, сушильня могла принять не менее ста человек. Лагерь? Беженцы? Сезонные рабочие? Теперь не важно. Нары давно разобрали, скорее всего местные на доски для сараев. Надо приниматься за работу.

Нам повезло в том, что все трое мужчин, несмотря на творческие профессии, умели и не боялись работать руками. Кроме меня засучили рукава художник Григорий и Александр — «ценитель, собиратель старины», как он представлялся. Не сложно догадаться, что прошлое Александра было не так светло и прозрачно, как его льняные волосы, а прошедшая трудовая жизнь была крепко связана с периодом бурного расцвета «черного копательства». Но ведь, творческих людей не должно тревожить чужое прошлое, если они устремлены в будущее. Александр был незаменим. То что он виртуозно обращался с лопатой не удивляло, но любые поставленные задачи по восстановлению и преображению старого амбара в «Дворец творчества не очень юных» Саша выполнял блестяще. Как ни странно и Григорий совсем не боялся за свои руки мастера живописи.

Через месяц мы обустроились и каждый занялся своими творческими делами.

Было такое ощущение, что забытая деревня благодарна за наши труды, обновленные мостки, скошенные заросли бурьяна, починенный колодец.

Какое было благодатное лето! А какие открывались виды! Правда, Гриша жаловался, что пейзажи «гуляют» - картинка меняется слишком быстро, схватить не успеваешь. Что можно было ответить? Посоветовать просыпаться пораньше, работать быстрее, сократить ночные творческие «бдения» и вечерние возлияния? Тут же попадешь в миллионную армию «каждых могущих обидеть художника». На самом деле сетования на трудности условий труда и

быта творческому человеку необходимы для того, чтобы вызвать похвалу своему творению. От нашего брата доброго слова иначе не дождешься. А работы у Григория получались превосходные и «кормили» почти до следующего сезона.

Любые творческие плюсы предполагают бытовые минусы. Необходимо было забыть удобные городские привычки и блага, магазины, доставку на дом, бесконечные «творческие» тусовки. Привыкнуть к «бане» в корыте на открытом воздухе, стирке на речке, колке дров, воде из колодца, готовке на костре или в летней кухне...

Вскоре к мужской компании присоединились две девушки, к концу сезона их стало пятеро. Я не особенно настораживался и даже заранее предполагал, что «тусовка» будет разрастаться и распланировал в нашем Дворце достаточно независимых отгороженных творческих закутков и сколоченных лежанок.

Что могу сказать по поводу женского десанта, упавшего на наши головы. Я — архитектор, а профессия — болезнь хроническая. Поэтому женские образы сливались с архитектурными.

Этим летом Бог послал нам пять «икон стиля», в моем случае — архитектурного.

Классическая Елисавета.

Ее привез Григорий. Он имел право на все, потому как вкалывал не покладая рук, притащил на себе стекла из райцентра и не жалел трудовых копеек ни общий стол, ни на быт. Гриша был связан с Елисаветой самыми тесными узами — она уже давно успешно реализовывала его работы, поэтому отказать ей в «глотке свежего воздуха» и экстремального быта Григорий не посмел.

Елисавета всегда подчеркивала, что ее имя пишется именно через «с» — Елисавета...

Если о стиле — он начинался с ее безусловной природной красоты. Елисавета это воплощенная классика. Бесстрастное лицо древнегреческой статуи, тяжелый низ, легкий верх и недостижимый пьедестал.

Добавим запах древнегреческого храма, средиземноморского ветра, вольно выющийся между колоннами, совершенная простота и открытость без потаенных смыслов.

Елисавета по деловым качествам — воплощенный античный театр без кулис, под открытым небом, публичный, демократичный, доступный и понятный. Античному театру не нужны лишние эффекты и усилители голоса, он пробивает зрительный зал насквозь от первого до последнего ряда...

Все в этом театре открыто — Елизавета и сама не имеет собственной приватности, секретности, загадочности, закрытых тем, личного пространства, а также не признает ничьих прав на их обладание.

Такая позиция совершенно не препятствует Елисавете причислять себя, по ее собственному выражению, «к одним из немногих галеристам и арт-кураторам, с которыми комфортно и приятно работать».

Опираясь на собственный опыт совместной презентации двух проектов, могу признать, что, несмотря на то, что работать с Елисаветой очень не комфортно и совсем не приятно, но специалист она знающий и результативный, с вменяемым напором, даром убеждения и авторитетом.

Изабелла — рококо.

Мужчине, как правило, удивительно и непонятно отчего женщина совершенно не может существовать без соперничества, борьбы за призовое место, то есть, без подруг и (или) врагинь. Вот и Елисавете не жилось спокойно на пьедестале нашего неразделенного внимания и заботы.

Через сезон Елисавета привезла с собой Изабеллу с двумя огромными сумками, одна из которых нежно позвякивала бутылками. С именем Изабелла грех не выпить. Такой грешок за нашей героиней водился. Но мы тоже составили компанию.

Изабелла это стиль рококо. Рококо, стремящееся лепниной замаскировать пустоту. Не имелось ни единого квадратного миллиметра в одежде, лице и теле Изабеллы не изукрашенного лепниной и прочим декором. Все эти рококошные «цветы и раковины» заполнили и сознание Изабеллы. В простоте ни единого слова не было сказано, речь ее была многословна, с какими-то только ей понятными логическими связками и бросками в другое измерение. Манеры, движения мелкие, витиеватые и суетливо куриные...

Ее род занятий, образование и средства существования мне не известны, как впрочем, возможно и самой Изабелле.

Вероника - модерн.

Недели через три явилась Вероника. Веронике никто не привозил и не приглашал, (во всяком случае никто в этом не признавался). Появилась сама собой, как ниоткуда появился и тот стиль, который она представляла.

Стиль Вероники — модерн. А лозунг модерна — «искусство и жизнь неразделимы!». У Вероники неразделимы и не имеют никаких границ не только жизнь с искусством. Вероника это извилистые линии тела, лица,

судьбы и личной жизни. Понять, где кончался один ее брак или обрывались отношения, и начинался новый этап среднестатистическому человеку было не под силу. Понять, как будущее счастье мирно сосуществует с прошлыми скандалами; или как, почему и когда близкая подруга становится очередной спутницей мужа и по-прежнему остается ее близкой подругой и не только, понять весь этот сплав несовместимого могли только адепты модерна. Профессия и род занятий Вероники были многочисленны и непостоянны, в том числе ведение блога обо всем и ни о чем, но в основном о личных переживаниях. Я бы погиб и сгинул в потоке этой ценной информации за минуту, в Веронику смотрели, слушали, одобряли, советовали и ждали продолжения сотни тысяч «подписчиков».

Природной красотой Вероника не обладала, но загадочности и притягательности и в ней было с избытком и воздействовали они не только на мужчин.

Примчавшиеся к нам однажды два огромных пса писателя Михаила обнюхали всех, выбрали Веронику и каждый день «забегали» ее навестить и «проверить» карманы новой подруги. Вероника обязательно приберегала для своих лохматых «приятелей» по кусочку сыра или колбаски. Она была абсолютна убеждена, что животные, а тем более собаки — это «чистейшие души и высочайший интеллект». Безбашенность Архимеда и Пифагора и способность за полминуты превратить любое обустроенное человеком жилище в руины, Веронику при этом нисколько не смущали. Она, по-детски азартно, включалась в собачьи затеи с прыжками, нападениями и догонялками. Вскоре являлась запыхавшаяся Светлана, с трудом оттаскивала собак от полюбившейся им Вероники и уводила скулящую свору восвояси. Видеорепортажи с участием собак, кстати, пользовались огромной популярностью...

Наталья — явление вне стиля

Откуда взялась Наталья уже никто и не спрашивал. Я даже не могу припомнить когда она появилась.

К какому стилю причислить нашу новую поселянку понять было трудно. Наталья была дамой вне стиля. Ее бескрайняя фигура в самодельных широких бесформенных платьях не могла вписаться ни в один стиль. Наталья не похожа ни классическую колонну, ни на изви-

листую лепнину зданий рококо, а скорее напоминает палатку. Палатку, которая в зависимости от настроения и сложившихся обстоятельств может трансформироваться как в военную, так и в туристическую.

Если Наталья находилась в образе палатки туристической, такому роду временного пристанища замки и двери не полагались по госстандарту.

Туристический вариант должен иметь распахнутые полы, застелен, если не перинами, то хотя бы матрацами, а в глубине демократического алькова призывно и будоражащие обязаны были бряцать гитары.

Но, если Наталья оказывалась в неприступном настроении, туристическая палатка трансформировалась в военную, и обходить ее следовало на безопасном расстоянии, бесшумно и желательно по-пластунски.

Но были дни, и я — свидетель, в которые «палатка» Натальи превращалась в роскошный шатер, достойный шамаханской царицы...

Наталья мне нравилась своей стихийностью, самобытностью и необыкновенной работоспособностью.

И вот уже кто не сидел, сложа руки, так это Наталья. Ее руки были в постоянном движении, толстые пальцы набивали тряпичные куклы, плели сумки, коврики, лепили из глины «малые скульптурные формы», Наталья называла их «ляпушками».

По словам Натальи ее больше всего привлекло в наших краях наличие какой-то необыкновенно «лепкой» глины.

...Готовое изделие падало в подол Натальино огромного платья, и руки мастерицы тут же принимались за следующую работу. Когда объемный подол уже не вмещал созданные «произведения искусства», Наталья осторожно вставала, держа края платья на весу, быстро сортировала изделия и вновь собирала материал для следующих посиделок. Сноровистые обжиг, сушка, роспись, и - разноцветная армия «коников», «говорящих» зверей, мифических полканов и шикарных барынь была готова завоевывать рынок сбыта. Раз в две недели, не принимая нашей помощи («изделия хрупкие!»), Наталья нагружалась и шла пешком на почту отправлять заказы...

Я — не любитель заглядывать в чужие кошельки, но производительность Натальи и спрос на ее работы позволяли предположить, что трудолюбивая рукодельница ни в чем не нуждалась.

Что могло связывать Наталью с ее полной противоположностью - Мариной, неизвестно, но из одного похода на почту Наталья явилась с новой гостьей и представила ее, как «замечательного человека и специалиста по истории культуры и быта русской деревни позапрошлого века».

Марина — готика.

Она прибыла из всех «жен» последней, как я надеялся от всей души.

К нам присоединилась дама с очень ученой степенью - искусствовед и исследователь Марина. С первого взгляда было видно, что нас посетила сама готика в чистом виде. Все в Марине, как в готическом кафедральном соборе, тянулось вверх, стремилось к небесам и тучам. Узкая угловатая голова, гусиная шея, выпирающие ключицы и косточки на плечах, брови формы острого треугольника, дыбом выстриженные волосы. Локти и колени вырывались из основы, торчали, кололи и резали глаз созерцателя готической красоты своей обладательницы. На кисти рук с вампирическими когтями я старался по возможности не смотреть - потом трудно заснуть.

Причем готика Марины не исчерпывалась только внешним видом, а распространялась и на ее поведение, строго выдержанное в жанре готического фильма ужасов и его эстетики..

Таковым, в частности, явилось событие, которым Марина обозначила, можно сказать, застолбила в истории нашего поселения свое появление.

Астеническая Марина мерзла даже летом. Решив, что багаж ее знаний и почти мировая слава ученого (или ученой?) не позволяют обращаться к третьим лицам за практической помощью и советами, Марина смело пошла в атаку на мощную печь, сложенную задолго до появления на свет отважной исследовательницы быта русской деревни. Печь повидала многое, и на наглость очень ученой, но городской дамы ответила по-простому - заволокла все доступное ей пространство едким густым дымом. Таким образом, Марина не только протопила избу очень «по-черному», а заодно еще испортила сохнувшие пейзажи Григория и работы Натальи.

Слава Богу, обошлось без человеческих жертвоприношений, никто не угорел и не задохнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.